

Новые идеи в общественном сознании и социальной практике

© 2015 г.

Ж.Т. ТОЩЕНКО

ПРЕКАРИАТ – НОВЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ КЛАСС

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, зав. кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, гл. научный сотрудник Института социологии РАН (E-mail: socis@isras.ru).

Аннотация. В статье дается объяснение причин появления нового социального класса – прекариата, приведены его структура и основные характеристики. Показано созревание идеи о прекариате в недрах научной мысли, в мировой и отечественной социальной практике. Выявляются главные черты этого класса, проводится сравнение с другими социальными группами. Раскрываются специфика прекариата, его место и роль в современном разделении труда, положение на рынке труда, первые ростки его осознания как “класса для себя”. Выясняются последствия существования и функционирования прекариата.

Ключевые слова: общество • классы • прекариат • пролетариат • рынок труда • занятость

Понятие “прекариат” образовано от двух слов (от лат. *precarium* – неустойчивый, нестабильный, негарантированный) и “пролетариат”, которое в свое время означало класс, отчужденный от результатов труда и подвергающийся эксплуатации в интересах господствующего класса – буржуазии. Прекариат – принципиально новое образование, означающее наличие социального слоя, который олицетворяет отчуждение не только от результатов труда, но и от всего общества значительных социальных групп, испытывающих особо изощренные формы эксплуатации их труда, их знаний, их квалификации, а в конечном счете и качества жизни. В эти группы входят те, кто постоянно (!) занят временной, эпизодической работой, вовлечен в теневой или, как выразилась вице-премьер правительства РФ О. Голодец, “нелегитимный” сектор рынка труда, вследствие чего эти люди имеют урезанные социальные права и обладают ущемленным социальным статусом. В целом эти группы образуют достаточно значительный слой во многих странах мира, достигая от 30 до 40% численности трудоспособного населения. Таким образом, мы вправе говорить о некоем социальном слое, образующем, на наш взгляд, новый социальный класс, который во многом определяет лицо современных обществ. Остановимся здесь подробнее.

Этот феномен возник не сразу. Мы не будем останавливаться на исторических предшественниках прекариата. Люди с временной занятостью и сезонной работой в

той или иной мере всегда были в каждом обществе во все периоды его существования. Проанализируем современный период, когда **эти группы стали представлять не эпизодическое, а устойчивое и все увеличивающееся преобладание специфических форм использования трудоспособного населения и формирования специфических социально-экономических отношений**. Эти группы начали складываться под воздействием идей и политики неоллиберализма в 1960–1970-е гг. Неоллибералы категорически отрицали роль государства в решении экономических проблем, ни на дух не переносили идеи централизованного планирования и регулирования. Они характеризовали мир и страны рыночной экономики как свободное пространство, где трудовая занятость, прибыль и соответственно инвестиции без всяких ограничений перетекают туда, где у капитала нет никаких ограничений. Более того, они категорически выступили против социал-демократической политики, которую в той или иной мере исповедовали в послевоенное время большинство стран Западной Европы. Неоллибералы были убеждены, что социальные гарантии для рабочего класса, уступки профсоюзам неизбежно ведут к замедлению экономического роста, ускорению деиндустриализации, понижению эффективности производства. Они доказывали: развитие экономики, успешное повышение конкурентоспособности возможно в условиях, когда принципы рынка будут пронизывать не только экономику, но и все сферы жизни общества. В конечном счете, эта установка реализовала **основную цель неоллибералов – переложить бремя рисков, все заботы об общественной и личной (приватной) жизни на плечи самих людей**. Либералы отказывались обращать внимание на тот факт, что такая организация жизни экономики повышает уязвимость людей, делает их зависимыми от обстоятельств, на которые они не могут влиять. **Этой политикой неоллибералов была порождена изощренная эксплуатация трудовых ресурсов**, которая максимально освобождает собственника от ответственности за нормальное существование миллионов.

После многих лет усилий обратить внимание на их идеи неоллибералы в 1980-е гг. добились поддержки, что нашло особо яркое воплощение в политике Рейгана и Тэтчер, начавших действовать согласно их рекомендациям. Реализация идей неоллиберализма привела на деле к реальному повышению эффективности экономики, но и одновременно к колоссальной деформации социальной структуры, безработице, созданию социальных групп, социальные позиции которых стали расплывчатыми, неустойчивыми, неопределенными. Возник слой, превращающийся в класс, который стали называть прекариатом.

Из кого состоит современный **прекариат**? **Во-первых**, это **часть трудоспособного населения, занятого постоянно на временной работе**. Эта социальная группа насчитывает в России, по экспертным оценкам, от 30 до 40% трудоспособного населения, ограничена и лишена тех прав, которыми обладают постоянно работающие сотрудники, имеющие гарантированную занятость. Члены этой группы, как правило, не обладают социальными правами, у них нет оплачиваемого отпуска. Они не могут рассчитывать на помощь в приобретении жилья. Забота о детстве становится их личным делом, как и получение образования и повышения квалификации. Это дополняется практически полным отсутствием возможности профессионального роста, нормальной карьеры. **И главное – временная занятость становится постоянно действующей величиной, которая начинает сопровождать человека всю жизнь**.

Во-вторых, **прекариат состоит из людей, работающих неполный рабочий день или пробивающихся сезонными и случайными приработками**. Этот феномен позволяет скрывать масштабы безработицы. Обычно в подавляющем числе случаев эти люди вынужденно соглашаются работать неполный рабочий день. Причем, как показывает практика, им приходится работать больше и получать за свой труд меньшее вознаграждение, чем они рассчитывали. Более того, многие из этой группы лиц нередко обнаруживают, что подвергаются большей эксплуатации и самоэксплуатации, которая не адекватна вознаграждению за их труд. В России это, например, ярко проявилось в так называемой рационализации труда преподавателей вузов и других

учебных заведений, когда под флагом социальной заботы их переводят на неполную занятость с неадекватным повышением интенсивности труда. Эта группа попадает в ситуацию, когда они постоянно подвергаются самым разным ограничениям, вынуждающим их прибегать в смене прежней и поиску новой работы. Причем интенсивность такой смены мест приложения труда постоянно растет. Так, согласно данным всероссийского исследования “Жизненный мир россиян” (РГГУ, окт. 2014 г., 1800 чел., 8 регионов страны), почти 50% указали, что их образование не соответствует выполняемой работе или затруднились ответить на этот вопрос.

В-третьих, прекариат представлен безработными; численность их также значительна, особенно в годы кризиса. После 2008 г. безработица выросла почти на 50% и в 2009 г. составила 6373 тыс. человек [Российский..., 2012: 127]. Такая же ситуация характерна для 2014–2015 гг. в условиях кризисных явлений в экономике, санкций против России и падения цен на нефть. Причем, по мнению экспертов, разрыв между регистрируемой и общей безработицей колеблется в 3,5–7 раз. Академик РАН и советник президента РФ С. Глазьев считает, что “скрытая безработица составляет до 20%” (цит. по: [Истомин, 2015: 17]). Причем следует особо отметить, что скрытая безработица часто маскируется под нежелание регистрироваться, случайные приработки, под эпизодическую занятость в личном, особенно сельском хозяйстве. Ожидается, что 2015 г. принесет значительное увеличение безработных. Об этом прямо заявил вице-премьер И. Шувалов, выступая в Давосе: “Нужно готовиться к росту безработицы”. Так, уже в ноябре 2014 г. в Екатеринбурге официальная безработица увеличилась до 6,8%, т.е. до показателя, характерного для депрессивных регионов.

В-четвертых, в прекариат мы включаем и людей так **называемых креативных профессий** – специалистов по информационным технологиям, программистов и др., которые заняты *фрилансом*. Их иногда представляют приверженцами свободолобного духа, независимых от строгой мелочной регламентации официальных (государственных, акционерных, частных) предприятий и организаций [Давыдов, 2014: 139–141]. Но нонконформизм, отсутствие внешнего повседневного контроля на деле оборачивается тем, что эта показная и иногда чем-то привлекательная независимость поражена теми же ограничениями, как и весь прекариат – беззащитностью, отсутствием социальных гарантий, одиночеством человека в случае непредвиденных жизненных обстоятельств, лишением стабильности и уверенности в будущем.

В-пятых, аналогичные характеристики можно отнести и к **занятым заемным трудом**, суть которого заключается в найме в свой штат работников, которые выполняют заказы или оказывают услуги другим фирмам (предприятиям, организациям) [Козина, 2013].

В-шестых, к прекариату примыкают, на наш взгляд, часть **мигрантов**, численность которых во многих странах мира, в том числе и в России, значительна. Их положение также характеризуется как ситуация, в которой многие ущемлены в правах, их труд ниже оплачивается, им не гарантируются многие социальные блага. Нередко они подвергаются если не прямой, то косвенной этнической и религиозной дискриминации [Малахов, 2015: 115].

И, **наконец,** прекариат пополняют **стажеры и часть студенчества**, которые претендуют на то, чтобы занять в обществе и профессии устойчивое положение. Эта часть молодежи находится в состоянии неопределенности, соглашаясь на случайные и непостоянные виды занятости, часто ниже своих возможностей и оправданных претензий на достойное место в жизни.

Вот именно эти социальные группы и есть ответ на вопрос О. Голодец, что “наш рынок труда практически нелегитимен, и лишь небольшая часть функционирует по нормальным правилам”. Из свыше 80 млн трудоспособного населения 38 млн россиян непонятно **где** заняты, **чем** заняты, **как** заняты, в результате чего условия жизни, их доходы не отражаются в официальных статистических данных.

Таким образом, в России, как и во всем мире, в конце XX – начале XXI в. появился новый социальный класс – прекариат, который характеризуется вре-

менной или частичной занятостью, носящей непреходящий, постоянный и устойчивый характер. Причем необходимо отметить, что его численность постоянно растет, имеет устойчивую тенденцию к увеличению, в том числе и за счет людей, пока имеющих постоянную занятость и часто относимых к среднему классу.

Основные черты прекариата. Итак, в мире и соответственно в России сложился прекариат – специфический социальный класс, который уже во многом определяет лицо современного общества. К нему относятся значительные слои населения, представители которого находятся в нестабильном социально-экономическом состоянии, обладают условным, “урезанным статусом” [Стэндинг, 2014: 23]. Несмотря на вариации и разные проявления жизнедеятельности, группы этого класса имеют общие черты.

Прежде всего, для прекариата **характерно неустойчивое социальное положение**, ведущее к “деинтеллектуализации труда” [Гринберг, 2009: 4], деформации трудового процесса. И это не может быть иначе. Нынешняя реальность такова, что в условиях наступающего кризиса социальное положение многих людей в мире серьезно ухудшилось. Огромное количество безработных (в таких странах как Испания их численность достигает трети трудоспособного населения) постоянно пополняется молодежью после окончания учебных заведений. Это касается не только мелких и средних производителей, но и таких гигантов как Газпром, Роснефть, IBM. Последняя объявила в конце 2014 г. о сокращении работающих почти на четверть, что коснется 110 тыс. работников.

Особо подчеркнем: массовое лишение рабочих мест затронет не только рабочих, но и все слои населения и даже часть среднего класса, который нередко подается как образец стабильности и ориентир для подражания.

Временная или неполная занятость – отчетливый показатель уязвимости работника, которая нередко оправдывается неолибералами неотложной потребностью в гибком использовании трудовых ресурсов. И хотя такой подход в технократическом толковании оправдан, гибкость оборачивается для работника огромными социальными издержками, которые выражаются **в потере или снижении социального статуса.** И эта угроза понижения социального статуса серьезно волнует людей. По данным Всероссийского исследования экономического сознания (РГГУ, 2012 г., 12 регионов, 1207 чел.) 31,2% считают, что существует реальная (полностью и частично) возможность лишиться работы.

В настоящее время в российской экономике сложилась ситуация, когда люди, по своим потенциальным возможностям и способностям могущие претендовать на соответствующую занятость, вынуждены соглашаться на менее оплачиваемую и непрестижную работу. Возникает **статусный диссонанс.** Особенно он характерен для молодежи, которая начинает жизненный путь и вынуждена соглашаться с предположенными условиями, в то же время надеясь, что это кратковременное явление, ситуативные издержки. Но и в этом случае в сознание данной группы закладывается ощущение несправедливости, которая может подтвердиться собственным опытом отнюдь не вдохновляющих ситуаций. А как им думать иначе, если дети высокопоставленных родителей, минуя всякие промежуточные ступени, занимают престижные должности, да еще демонстрируют превосходство над окружающими. Например, как реагировать молодым людям, страдающим от статусного диссонанса, когда они узнают, что 25-летний сын главы “Роснефти” не только занял пост первого заместителя директора департамента этой фирмы, но уже через 9 месяцев работы в этой организации получил орден “За заслуги перед Отечеством” 2 степени. Его он удостоен, значится в президентском указе, “за большой вклад в развитие топливно-энергетического комплекса и за *многoletний добросовестный (? – Ж.Т.) труд*” [Юрьева, 2015: 2]. И что в этой ситуации думать молодым людям, которые вынуждены искать работу или мириться с вынужденной занятостью? И такой случай не единичен, свидетельствуя, что социальный лифт перестал работать (или “заржавел”). И дело не столько в том, что выходят наверх социальной лестницы избранные по сомнительным критериям люди, а в том, что резко сужается возможность обновления общества

за счет талантов из различных слоев, а также серьезно ограничивается социально обусловленное генерирование способных и творческих людей на следующие ступени служебной лестницы.

Не менее важной характеристикой прекариата является **его социальная незащищенность, лишение его многих социальных гарантий**. Это проявляется не только в более низкой оплате труда – прекариат лишен гарантий по охране здоровья, помощи в обучении детей, в организации отдыха. Как правило, этим людям “не грозят” не только регулярные, но и эпизодические поощрения. Именно статус временного работника освобождает работодателя от излишних затрат на содержание трудовых ресурсов, сокращает его издержки, повышает доходность и главное (мечта неолибералов) перекладывает заботу о нынешнем положении и о будущей жизни на плечи самого работника “в целях формирования у него самостоятельности, ответственности и конкурентоспособности”. Прекариат, как правило, не имеет никакой правовой защиты (или она минимальна, урезана), что могло бы обеспечить гарантии занятости в обмен на согласие подчиняться, выполнять общепринятые требования и соблюдать определенную лояльность. Общее чувство незащищенности усугубляется тем, что они живут сами по себе, не получают социальных пособий (если они не зарегистрировались как безработные, от чего многие из них уклоняются, чтобы не прослыть “неконкурентоспособными” и не записать себя в социальное дно). У этого класса нет и реально действующих правовых актов (законов), гарантирующих от произвола, что особенно наглядно проявляется в несоблюдении базовых трудовых прав. По данным всероссийского исследования (1207 чел. в возрасте от 18 лет, 12 регионов, 2012 г., РГГУ), только 20,2% признали, что их работа по найму и/или дополнительная работа были официально оформлены трудовым соглашением с работодателем или уполномоченным им органом (подробнее см.: [Тощенко, 2014]).

Прекариат лишен перспективы, не видит будущего при нынешнем устройстве общества и государства. На деле это означает отказ от профессиональной карьеры, профессионального роста, от профессиональной перспективы. Признание и отказ от этой установки в жизни дополняется тем, что **доход у прекариата нестабилен, случаен, колеблется в зависимости от различных обстоятельств**. Отсутствие уверенности в будущем переносится и на членов семьи, ближайшее окружение, заставляя людей задуматься над путями выхода из создавшегося положения. В этой ситуации возможны различные варианты поведения: а) смириться со сложившейся ситуацией, плыть по течению; б) искать варианты приспособления, используя кратко- или среднесрочные меры по стабилизации своей жизни; в) выступить с активными действиями – от акций против правящего режима до погружения в криминальную среду.

Прекариат по сути депрофессионален, ибо ему присуща частая смена мест приложения труда. И это не внутренняя потребность, а навязанная линия поведения неолиберальной экономикой, что касается огромной массы людей, которые во все большей мере работают не по полученной специальности. По выборочным исследованиям, если в 1995 г. только 17,6% не могли устроиться по своей профессии, то в 2002 г. их было 37%, а в 2013 г. – уже 49,1% [Воловская и др., 2015]. Каждый раз, теряя место работы, человек в большинстве случаев получает иную сферу приложения труда, требующего некоторого усредненного знания и определенного набора навыков, чтобы выполнять поручаемую работу. Это особенно наглядно проявляется в судьбе выпускников университетов и других учебных заведений (из них в основном комплектуется *офисный планктон*), занятость которых мало различает и учитывает прежнюю подготовку молодых людей. Большинство из них, несмотря на ранее полученную специальность, выполняет некий набор усредненных требований, необходимых для исполнения таких функций как справки, подготовка исходной информации, сбор необходимых данных, выполнение поручений, для реализации которых не обязательно иметь высшее образование. В этих условиях становится важным наличие диплома об образовании без особого учета, какое это образование и в чем оно заключается, какую профессию получил молодой человек. В результате происходят

массовая депрофессионализация, утрата профессиональной идентичности, потеря профессиональной культуры. Поэтому не удивительно, что все возрастающему числу представителей прекариата присуща *потеря профессиональной самоидентификации* даже в случае, если они в прошлом имели апробированный опыт работы по определенной специальности и занимали ответственные должности. Считается, что прекариат будет трудиться, когда потребуется и как потребуется в условиях, как правило, не зависящих от его собственного выбора. И в этой ситуации, несмотря на различие в целях, добиться хотя бы какой-нибудь занятости, у всех представителей прекариата есть нечто общее – ощущение и понимание того, что их работа в большинстве случаев вынужденная, случайная, ненадежная [Бизюков, 2014].

При определении имманентных качеств прекариата надо обязательно обратить внимание, что его положение характеризуется просто удивительным и поразительным обстоятельством: ***многие из тех, кого относят к прекариату, ни разу не видели своего работодателя, не знают, кому принадлежат организации или предприятия,*** на которых они работают, не знают ни их планы по развитию или существованию, ни их будущее. Такое положение, отличное от пролетариата, абсолютно отстраняет прекариат от всякой возможности влиять на органы управления, которые руководят ими, взаимодействовать с ними. Это удивительным образом совпадает с реалиями российской действительности. Напомним: более года официальные органы устанавливали после теракта в Домодедово, кто является владельцем этого аэропорта. Не менее поразительны констатации случаев незаконного использования нелегалов-мигрантов на многочисленных стройках столицы и других регионов России, когда часто не могут установить владельцев и ответственных за объекты.

Все это позволяет сделать вывод, что ***мир столкнулся с новым видом отчуждения***, с которым в таком обличье и в таком масштабе история ранее не встречалась. ***Место пролетариата занял прекариат***, положение которого во многом схоже с тем, что занимал рабочий класс в XVIII–XX вв. ***Прекариат комплектуется, складывается практически из всех слоев современного общества***, олицетворяет огромную массу людей, занимающих неустойчивое, нестабильное социальное положение, которое носит не временное, а длительное состояние. У этих людей нет уверенности в своей необходимости обществу, в своем праве претендовать на занятость по своей или смежной профессии, на социальную защищенность, на надежду в гарантированном будущем своей семьи и своих близких в ситуации, когда неизвестно кому предъявлять претензии, кроме безымянных и неопределенных социальных институтов.

Место прекариата в структуре понятий о стратификации. Напомним, что более двух столетий социальная мысль оперировала понятием “классовая структура”. Основными классами были пролетариат (рабочий класс), буржуазия, крестьянство. Эта марксистская трактовка была несколько трансформирована в советский период: классами объявлялись рабочий класс, колхозное крестьянство с прослойкой – интеллигенции и служащих.

Современный мир стремительно меняется. И не только в технико-технологическом, экономическом и политическом смысле. Меняется его социальная структура. Марксово представление о классах, в основе которого лежат отношение к собственности (средствам производства) и место человека в процессе труда, не в полной мере характеризуют современное устройство общества. Однако ***классовая структура никуда не исчезла – она приобрела иной вид и иные параметры.*** А так как прежние ориентиры исчезли, начался поиск новых определений социального состояния, которое характерно для большинства существующих в настоящее время обществ. Реальная жизнь требует ответить на вопрос, имеющий не только теоретическое, но и практическое значение – какова социальная структура современного общества, в том числе и российского?

Всем очевидно, что от былых представлений ничего или почти ничего не осталось, кроме некоторых контурных обозначений, весьма приблизительно отражающих реальность. Понимая эту ситуацию, современные исследователи стали искать ответ

на поставленную жизнью проблему. В 1960–1980-е гг. западные коллеги много внимания уделяли делению общества на “белые” и “синие” воротники, считая, что удельный вес интеллектуального труда изменил ландшафт классовой структуры общества.

Отечественные исследователи, осмысливая новые реалии, обратили внимание на процессы и социальные группы, которые не были присущи советскому обществу, но стали реальностью в постсоветской России. Их поиски дали стимул изучению, анализу социального положения людей, связанного с феноменом безработицы (О.И. Шкаратан, Р.Х. Симонян), дауншифтинга (Н.Е. Покровский), фрилансерства (О.Д. Стрелков, А.В. Шевчук) и т.д. Среди этого многообразия поиска ответа на вопрос о социально-классовой структуре особое место заняла концепция среднего класса. Она приобрела особую популярность и получила значимое развитие (подробнее см. работы Л.А. Беляевой, В.Н. Бобкова, М.К. Горшкова, Э.Т. Голенковой, Н.Е. Тихоновой и др.). Этому классу приписывались обеспеченность, стабильный потребительский спрос, социальный престиж, гарантия занятости, чувство автономности существования.

Вместе с тем, исследователями среднего класса (слоя) достаточно быстро было обнаружено: при всей привлекательности такого подхода к социальной структуре общества стало очевидным, что этот класс (слой) слишком неоднороден. Попытки делить его на высший, средний и низший класс в большинстве случаев опирались на уровень дохода и не всегда убедительно объясняли, что все же считать средним классом. Поэтому не удивительно, что в социологической литературе мы встречаем разные количественные оценки этого класса – от нескольких процентов до трети населения. Наряду с таким подходом **в трактовке социальной структуры стали созревать иные представления, которые в основу ее классификации ставили не доход и социальный престиж, а гарантии устойчивой трудовой занятости, наличие социальной защищенности, сохранения профессиональной идентичности и уверенность в будущем.** Это становилось чрезвычайно важным хотя бы потому, что слои населения, обладавшие этими характеристиками, стремительно увеличивались за счет не только рабочего класса и крестьянства, но и всех слоев населения.

Однако такое осознание возникновения нового класса/слоя произошло не сразу. Сначала были сомнения в старой формулировке классов. Появились теории, объясняющие коренные изменения социальной структуры общества. А. Горц писал о “конце рабочего класса” [Gorz, 1982]. Фактически классовая структура отрицалась в произведениях Э. Тоффлера в связи с вступлением обществ в эпоху информационных революций. Прежней социально-классовой структуре не находилось места и в размышлениях Хантингтона.

Принципиально иной подход к осмыслению изменений в социальной структуре осуществили французские социологи в 1980-е гг., исследуя положение сезонных рабочих. П. Бурдьё расширил представление об этой проблеме, включив в анализ все расширяющуюся массу работников, занятых на временных и эпизодических работах. Именно тогда появилось слово “прекариат”, которым обозначили слой работников, характеризующийся нестабильной трудовой занятостью, отсутствием гарантированных социальных благ, незащищенностью в период сложных жизненных ситуаций [Bourdieu, 1998]. Эти слои стали привлекать внимание других исследователей – М. Фуко, Ю. Хабермаса, М. Хардта и А. Негри [Hardt, Negri, 2000; цит. по: Стэндинг, 2014: 23].

К пониманию новой ситуации подошли и отечественные исследователи [Голенкова, 2013; Бизюков, 2014; Давыдов, 2014], коллектив кафедры социологии Казанского университета, публицисты [Мельник, 2007; Механик, 2014; Мармер, 2009], которые по-разному трактуют феномен прекариата, но сходятся на том, что он представляет новое явление, с которым невозможно не считаться.

Новые реалии второй половины XX–начала XXI в. наглядно демонстрировал тот факт, что во многих странах мира все большее и большее количество людей оказались в положении, которое многие предпочли называть теневым и неформальным. Это означало, что в трудовых отношениях между работодателем и работником стала преобладать договоренность без взаимных правовых обязательств, без гарантий

защиты даже элементарных прав, которые существовали в цивилизованном мире. Такие отношения приводили к тому, что работодатель (или его представитель) могли произвольно менять сферу занятости, место приложения труда, его оплату, уговаривали быть “сдержанными” в своих требованиях, ссылаясь на объективные и другие затруднения. Бесправное положение особенно ярко демонстрируют так называемые стажеры, которых берут на работу без права получать от нескольких месяцев до полугода зарплату для якобы проверки их профессиональной готовности выполнять порученные обязанности; потом их увольняют как “не оправдавших надежд”, а на их место набирают новых людей, готовых на временные жертвы и лишения.

Все это позволяет утверждать: **наличие такого количества людей говорит не о некоторых издержках развития, а об устойчивой тенденции по формированию нового социального класса – прекариата.**

Прекариат – жертва или дитя неолиберальной политики. В 1980–1990-е гг. в индустриально развитых странах практически закончила существование лейбористская модель государства всеобщего благоденствия: резко сократилось число рабочих мест с долгосрочными гарантиями занятости и соответствующим социальным обеспечением. Фактически произошел отказ от решения проблемы устойчивой занятости, от “защищенного труда”. Была провозглашена политика гибкости рынка труда, которая включала в себя много аспектов: “гибкость заработной платы означала приспособление к необходимым изменениям, особенно в сторону понижения; гибкость занятости – возможность для фирм быстро и без затрат менять уровень занятости, тоже преимущественно в сторону понижения, причем с сокращением гарантий обеспечения занятости; гибкость должностей означала возможность перемещать наемных работников внутри фирмы (с одной должности на другую) и менять структуру должностей с минимальным сопротивлением и затратами; гибкость профессиональных навыков означала, что работника легко можно переучить” [Стэндинг, 2014: 18]. По сути, “гибкость” означала, что наемных работников можно ставить во все более уязвимое положение – под предлогом необходимости жертв ради сохранения организации (производства) и, соответственно, рабочих мест. В таких условиях любые затруднения в развитии экономики, конкретного производства объясняли негибкостью и отсутствием структурных реформ рынка труда.

Появление прекариата на исторической арене означает возникновение непредвиденных экономических, социальных, политических и культурно-нравственных эффектов, которые по значению и воздействию на жизнь обществ и государств превосходят известные истории деструктивные и долго действующие последствия. В чем это проявляется?

С появлением и распространением политики гибкой занятости стало резко усиливаться социальное неравенство. Классовая структура, характерная для индустриального общества, уступила место более сложной, но не менее классово обусловленной. Все материальные и финансовые ресурсы во все большей мере сосредотачиваются в руках небольшой группы людей, как в мире, так и в России. Официальный децильный коэффициент (отношение доходов 10% самых бедных и 10% самых богатых без учета доходов топ-менеджеров и олигархов) составляет 1:16, хотя, по экспертным данным, он составляет 1:30, а в Москве – 1:45/50. 3% населения владеют 70% национального богатства, и этот показатель имеет устойчивую тенденцию к увеличению, а в распоряжении 110 олигархов находится 35% активов. Что касается официальной инфляции, она за последние 10 лет составила 19%, а реальная, социальная (рост цен на питание, услуги ЖКХ, проезд в общественном транспорте и т.д.) – 32% [Зайцев, Вакулин, 2015]. О масштабах неопределенности и обездоленности говорит тот факт, что хотя масштабы бедности за 2010-е гг. уменьшились, они по-прежнему значительны – 12% населения живет ниже прожиточного минимума. Продолжается рост незащищенного или слабо защищенного населения. По данным всероссийского исследования экономического сознания (октябрь 2012 г., 1207 чел.) 8% боятся увольнения, еще 23,3% подтверждают, что такая угроза для них реально существует. Причем сюда относятся

и представители среднего класса. То есть, и они являются потенциальным источником прекариата. На пополнение прекариата претендуют работники различных сфер деятельности, с которыми заключают краткосрочные договора, что практикуется во все возрастающих масштабах. Эта участь постигла многих преподавателей в процессе реформы высшего и среднего образования. Аналогичные процессы происходят в сфере здравоохранения, которое тоже подверглось “оптимизации”. Иначе говоря, все большее и большее количество работников переходят в подвешенное состояние, образуя некую рыхлую, неопределенную и неустойчивую массу, которую волнуют растущие нестабильность и неустойчивость её социального положения.

В силу такого состояния этот класс не станет и не будет базой социальной поддержки официальной политики, ибо у него нет никаких оснований видеть в своем положении удовлетворяющее его социальное положение, которое обусловлено размытостью и неопределенностью социального статуса. Прекариат непременно будет искать, сначала стихийными, а в будущем и организованными действиями, выход из неопределенности своего положения. Одна из граней постепенного осознания им такого положения станет его возможная роль в ситуациях социальной напряженности. И хотя у прекариата нет еще сознания “класса для себя”, но его обретение может произойти точно таким же образом, как это случилось с пролетариатом, долгое время бывшим “классом в себе”. Современный прекариат использует не только проверенные в прошлые времена инструменты классовой борьбы – забастовки, митинги, стачки и т.п., но и новые непривычные, мало апробированные формы, например, Европервой в Западной Европе и Японии, когда всеми способами и символами демонстрировал свою незащищенность и нестабильность. Конечно, эти акции далеки от продуманной тактики борьбы за свои права. Тем более, в этой борьбе еще точно не определено: кто враг? С кем бороться? Какими методами? Кроме того, у прекариата нет еще внятной политической программы, лидеров, которые бы сплотили разношерстные ряды, подсказали средства и методы отстаивания своих интересов. Несомненно одно – уровень недовольства в обществе питается в основном из этих рядов, не из андеркласса и пауперизованных слоев населения. Стоит особо подчеркнуть, что недовольство копится также среди той части молодых интеллектуалов, которые внешне благополучны, устроены, но не чувствуют гарантированной стабильности, возможности строить профессиональную карьеру и обеспечить себе защищенное будущее. Это подтверждают социологические данные. Согласно Е.Б. Шестопаля (2014 г., 8 регионов, 898 человек), 52% негативно оценивают власть в современной России при позитивной оценке 22% опрошенных [Шестопаля, 2015: 144]. Не стоит ли в этой связи обратить внимание, что эта половина коррелирует не с 12% живущих ниже прожиточного минимума, а с примерным числом так или иначе неустроенных людей? Перед прекариатом остро стоит вопрос – как перейти от случайных эпизодических актов выражения недовольства к продуманно политической программе действий.

Есть и другие негативные последствия, касающиеся в основном личной жизни людей. Прекариат не имеет отчетливого видения своего будущего, не уверен в обеспеченности своей жизни и гарантиях спокойной старости после завершения трудовой занятости. В этой ситуации меняется отношение к труду, к служебным обязанностям. Стремясь сохранить рабочие места, часть работников, чтобы удержаться на плаву, трудятся на износ, стараясь доказать работодателям свою незаменимость, значимость и пользу, свою приверженность порученному делу, что нередко из-за перегрузок приводит к профессиональным заболеваниям, потере здоровья и истощению моральных и физических сил человека.

Многие социальные группы, входящие в прекариат, вследствие неустойчивости, неопределенности своих гражданских позиций обладают размытым деформированным сознанием, что проявляется в самых разных действиях – от аномичного поведения до деструктивной деятельности, связанной с криминальным, деликвентным поведением. Происходят духовно-нравственная деградация личности, потеря идеалов, веры в справедливость и правильное устройство мира. Неуверенность в нынешней и

будущей жизни сказывается и на такой важной социальной проблеме, как вступление в брак и намерение иметь детей. В силу неустойчивости жизненных позиций решение этого вопроса откладывается на “потом”, когда будет достигнута хотя бы относительно гарантированная занятость.

Прекариат в значительной степени испытывает неуверенность в своем нынешнем и будущем положении. Отсюда страх, неверие, разочарование и отрицание официальных структур. Многие чувствуют себя жертвами обстоятельств, на которые они никак не могут повлиять. Такое состояние приводит к росту самоубийств, по численности которых Россия занимает 4-е место в мире. Только за 11 месяцев 2014 г. покончили с жизнью 24690 человек. По мнению экспертов, социальные причины начинают преобладать над медицинскими. Самоубийства всё чаще связывают с уровнем тревоги, с кризисом, когда люди не видят выхода из жизненного, экономического, финансового тупика [Мишина, 2015: 15–16]. А эти причины касаются не андеркласса; его члены обычно мирятся с ситуацией, а именно прекариата, который активно ищет пути стабилизации своего положения.

Все это позволяет сделать вывод, что мы имеем дело с принципиально новым социальным образованием – прекариатом, который в настоящее время еще в немалой степени несет черты протокласса. Составляющие его социальные группы не выработали чувство солидарности, слабо или совсем не организованы, вместо объединяющих имеют пока лишь смутно осознаваемые политическую программу и соответствующую идеологию. Прекариат все еще есть “класс в себе”, который стоит на пороге превращения в “класс для себя”. Он уже стал устойчивым социально-классовым образованием, которое объединяет огромные массы людей и закрепляет их в статусе постоянной временности социального положения и отчетливого понимания ущербности и ограниченности в реализации своих возможностей и способностей. По мере осознания этих обстоятельств прекариат имеет тенденцию превращения в потенции в опасное образование – будущий класс, от сознания и поведения которого будет зависеть судьба страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бизюков П. Что такое прекариат? // Газета.ру. 2014. 1 мая.
- Воловская Н.М., Плюснина Л.К., Русина А.В., Иноземцева А.В. Незанятое население и самозанятость в сибирском регионе // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 52–60.
- Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 5–8.
- Голодец О. 38 миллионов трудоспособных россиян заняты непонятно чем // Российская газета. 2013. 3 апреля.
- Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М., 2011.
- Гринберг Р.С. Великая трансформация: невыученные уроки. М., 2009.
- Давыдов А.П. Зинаида Голенкова и российская социология // Философские науки. 2014. № 10. С. 123–136.
- Зайцев Л.Н., Викулин Я.Н. В сейфах богачей и “народной казне” // Советская Россия. 2015. 24 января.
- Истомин В. Кризис и безработица угрожают стране социальным взрывом // Версия. 2015. № 3. С. 17.
- Козина И.М. Работники заемного труда // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 19–31.
- Малахов А. Алотоны и автохтоны: мигранты как субъект социального взаимодействия // Политические исследования. 2015. № 1. С. 111–125.
- Мармер Э. Что такое прекариат // Neue Zeiten. 2009. № 5.
- Мельник Е. Прекариат всех стран, соединяйся! // Еженедельник 2000 – Свобода слова. 2007. № 48. 30 ноября – 6 декабря.
- Механик А. Униженные и оскорбленные современного мира // Эксперт. 2014. № 1. С. 15–27.
- Мишина И. Вопрос жизни и смерти // Версия. 2015. № 3. С. 15–16.
- Российский статистический ежегодник: 2012. Стат. сб. М., 2012.
- Стрелков Д.О., Шевчук А.В. Фрилансеры на российском рынке труда // Социологические исследования. 2010. № 2. С. 45–56.
- Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.

- Тощенко Ж.Т. Экономическое сознание и поведение: четверть века спустя (конец 1980-х – начало 2010-х гг.) // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 51–63.
- Шестопап Е.Б. Четверть века политических реформ в России с точки зрения психологии // Политические исследования. 2015. № 1. С. 136–150.
- Юрьева Е. Орден-бонус // Советская Россия. 2015. 24 января.
- Bourdieu P. Le precarite est aujourd'hui partout (Precariousness is Everywhere Nowadays) // Contre-feux. Paris. 1998. P. 96–102.
- Gorz A. Farewell to the Working Class: An Essay on Post-Industrial Socialism. London, 1982.
- Hardt M., Negri A. Empire. Cambridge, MA, 2000.

© 2015 г.

В.И. ДУДИНА

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

ДУДИНА Виктория Ивановна – кандидат социологических наук, доцент факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (E-mail: viktorija_dudina@mail.ru).

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению изменений, которым под влиянием развития информационных технологий подвергаются социологические теории, данные и методы социологического исследования: прекращение доминирования опросных методов, переключение внимания с теорий на методы работы с данными, изменение характера объяснений, переосмысление представлений о выборке и репрезентативности; демократизация производства знания.

Ключевые слова: методология • производство научного знания • информационные технологии • цифровая социология • перформативность

В социологии к концу первого десятилетия XXI в. на первый план выходит необходимость переосмыслить методологию социологического знания в связи с более широким социальным контекстом. В современной ситуации дискуссии о статусе социологического знания переносятся из области социологической теории в сферу исследовательской методологии и эмпирических исследований.

Некоторые исследователи, в частности Гоулднер [Гоулднер, 2003], утверждают, что “социология столкнулась с наступающим кризисом, наличие которого еще не признается и не понимается” [Savage, Burrows, 2007: 885]. Севидж и Бэррзу отмечают, что социологи занимают маргинальную позицию в исследовательской деятельности. Речь идет не о традиционном выяснении позиции социологии в сравнении с естественными науками, а о месте социологов в структуре институций, занимающихся сбором, анализом, хранением и применением разного рода социальной информации. Долгое время социологам удавалось успешно развивать и использовать методы, ориентированные на сбор сведений об общественных настроениях и ценностных ориентациях населения. В настоящее время складывается ситуация, когда для многих социальных агентов больше нет необходимости обращаться за информацией к результатам массовых опросов [Savage, 2009: 765]. К примеру, телекоммуникационные компании имеют